

гость города

ПЕСНЯ, СПЕТАЯ СЕРДЦЕМ

Иосиф Кобзон. Вот уже более четверти века остается он одним из ведущих певцов советской эстрады. В его репертуаре естественным образом сочетаются песни гражданского звучания, лирические, старинные романсы, русская народная песня... Его голос, в котором и мощь, и нежность, звучит в лучших концертных залах и в солдатских клубах. Он выходит на сцену с новой песней — неизменно сдержан, элегантен — и мы знаем: это будет откровение.

У Кобзона своя исполнительская манера, свой строгий стиль поведения на эстраде (применительно к нему эти слова, хочу верить, не звучат ни тривиально, ни слишком общо). Никогда не старался он потрогать вкусу невзыскательной публики в расчете на сиюминутный успех. Поэтому на его концертах не бывает случайных людей.

Каждый из очень многих постоянных слушателей Иосифа Кобзона находит в его песнях что-то личное, дорогое, словно только для него одного спетое. И для меня Кобзон — нечто большее, чем просто популярный певец. Он частица моей московской студенческой юности, когда мы, студенты факультета журналистики МГУ, учились чувству слова, читали Гомера и пытались постичь высоту трагедий Софокла. Но выпадал момент — и бежали в театр эстрады «на Кобзона». Потому что он пел для нас и про нас.

Его голосом пела для меня первая любовь: «А у нас во дворе есть девочка одна...». А сегодня лишает покоя «Ноктюрн»: «Между мною и тобою гул небытия, тайные моря, звездные моря... Как тебе теперь живется, вешняя моя, нежная моя, странная моя...» Звучат, звучат, не угасая, тревожа сердце, «Журавли»... А как по-новому, по-своему (широко, легко, чуть даже лениво, играя мощью голоса) исполняет он русские песни — «Живет моя отрада» или «Ямщик, не гони лошадей»!

Так складывались гастрольные маршруты народного артиста РСФСР, лауреата премии Ленинского комсомола, лауреата Государственной премии СССР Иосифа Кобзона, что в нашем городе в последние десять лет он не бывал. И вот в эти дни у новосибирцев есть счастливая возможность побывать на его концертах. Когда от имени своей газеты я обратилась к Иосифу Давыдовичу с просьбой дать интервью, он охотно согласился.

— Настоящую популярность и любовь слушателей принесли вам в начале творческой биографии песни Аркадия Островского. Отдадите ли вы предпочтение сегодня кому-либо из композиторов?

— Каждое время богато своими представителями. Если брать в хронологическом порядке, я пел песни Блантера, Соловьева-Седого, Фрадкина. Потом мне доверяли свои песни Островский, Пахмутова, Френкель, Тухманов, затем композиторы более молодого поколения — Мовсисян, Мигуля, Ильин, Поклад, Семенов, Шахбазов... Для меня не столь существенно, ведущий композитор или начинающий предлагает свое сочинение. Песня — жанр демократичный. Она предполагает такие откровения, которые могут родиться даже и не у профессионального автора. Скажем, Добрынин, Николаев, Антонов — не члены Союза композиторов, но пишут талантливо, свежо. Для меня главное в творчестве не имя, а то, что человек сделал.

...Третий звонок прозвучал требовательно. Строгий, подтянутый, певец стоял уже в дверях гримерной. А мне так хотелось бы рассказать читателю еще и о педагогической деятельности И. Кобзона в институте им. Гнесиных, где он руководит отделением эстрадных вокалистов. Он называет это скорее наставничеством, передачей опыта молодым артистам. Сегодня к этой работе Кобзон привлечен Г. Великанов, Л. Лещенко. Лишь коротко успел Иосиф Давыдович сказать о большой творческой и личной дружбе с Андреем Дементьевым, которого он причисляет к категории людей самоотверженных, заметив при этом, что вообще уважает людей самоотверженных. Беседовать с таким интересным, глубоким человеком, как Кобзон, можно бесконечно. Ведь приятно бывает не разочароваться в артисте, чей художественный образ так гармонично соединен с интеллектуальным.

Концерты, которые дает в эти дни Иосиф Кобзон с ансамблем «Время» в нашем городе, своего рода творческий отчет певца в год

— Песенное искусство — подвижное, чуткое, стремительно меняющееся. Как вы оцениваете сегодня песни двадцатилетней давности, которые принесли вам доверие огромной аудитории слушателей?

— Песни моей юности — это мое ретро. Я исполняю их в особых случаях, и зал хорошо воспринимает их. Значит, и спустя годы сохранилось в них что-то главное, чем привлекли они слушателей в свое время. Мне никогда не было стыдно за эти песни. Они... как мои дети, которые мне дороги. Но сегодня я по-другому мыслю, иначе смотрю на жизнь. Сегодняшний жизненный опыт и образ мыслей диктуют и отношение к песне, и подход к репертуару в целом.

— О сегодняшнем состоянии эстрады много спорят. Говорят и о деградации, измельчении эстрады.

— Эстрада как жанр никогда меня не огорчала. Огорчают скорее околострадные дела: бесхозяйственность, безответственность, невежество, отсутствие возможности повышать культуру профессии, отсутствие творческой базы и многое другое, что не дает развиваться и совершенствоваться красиво, мобильно, демократично виду искусства. Эстрада, по моему глубокому убеждению, — один из самых идеологических видов искусства, и рождается оно не теоретически, а на практике, а значит — через трудности, через их преодоление.

— В вашем репертуаре последних лет особое место занимает романс, народная песня...

— Обращение к романсу, к русской народной песне — это, по сути, продолжение моего образования, полученного в институте им. Гнесиных.

Были в моей жизни встречи с прекрасными исполнителями романса и народной песни, которых могу считать своими духовными учителями — Лидия Русланова, Нани Брегвадзе... Прекрасно, на мой взгляд, исполнение Изабеллы Юрьевой, Александра

Вертинского. Но... моя молодость не позволяла исполнять такой репертуар: способен ли вложить юноша настоящее чувство в русский романс? А сегодня певческий и жизненный опыт потребовал расширения творческих рамок. Невозможно оставаться бесконечно молодым на сцене, но сделать молодым свое творчество можно.

— У каждого певца своя аудитория. Правиться всем, конечно, невозможно... Но среди многочисленных поклонников вашего таланта есть, на мой взгляд, особые слушатели — офицеры, солдаты Советской Армии.

— Я воспитан армейской художественной самодеятельностью, именно в армейском ансамбле я впервые всерьез задумался об эстраде.

С ансамблем «Время» мы первыми в 1980 году начали выступать перед солдатами, выполняющими интернациональный долг в Афганистане. С тех пор мы побывали там шесть раз. Эти концерты в экстремальных условиях в одинаковой мере важны и для артистов, и для солдат. Ребята мы песней поднимаем дух, помогаем как-то разобратся в ситуации, в которой они оказались. Прошедшие испытания Афганистаном, возвращаются они домой чище, искреннее. И общение с ними тоже очищает. К ним иду я как на исповедь — чтобы посмотреть в их глаза.

Какие песни для них пою? И лирические, и гражданские, и шуточные, и романсы. О маме, о доме, о любимой, о Родине.

— Наверное, не раз звучал и «Ноктюрн» Бабаджаняна? Какова история создания этой песни?

— «Ноктюрн» — сочинение изначально глубокое по мысли, чувству. Еще при жизни Арно Бабаджаняна я просил его, чтобы он предложил кому-либо из поэтов написать стихи на эту музыку. Но стихи родились уже после его смерти, написал их Роберт Рождественский, и мы посвятили эту песню памяти композитора. По моему, она способна взволновать любую аудиторию.

его пятидесятилетия перед зрителем. Две песни прозвучали для новосибирцев в его исполнении впервые — «В Сибири не было войны» (музыку и стихи написали новосибирские авторы Г. Лукецкий и И. Краснов) и «Песня, спетая сердцем», посвященная памяти Леонида Утесова.

Всякие аналогии, сравнения поверхностны, приблизительны. Но говоря о Кобзоне, тоже можно утверждать, что поет он сердцем. Вторую уже сказанное о нем Яном Френкелем: «Песня — это образ жизни. Иосиф Кобзон — певец нашего образа жизни».

Т. ВЕНЦИМЕРОВА.

Когда верстался номер, пришло сообщение о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР И. Д. Кобзон присвоено звание народного артиста СССР. Мы от души поздравляем Иосифа Давыдовича с этим высоким званием и желаем ему новых творческих успехов.